

БЕЗ РЕГЛАМЕНТА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2019 ГОД

На традиционном обсуждении журнала за минувший год особенно не разбежишься: регламент. А впечатлений от публикации за это время накопилось немало. Формат заочного круглого стола в этом случае позволяет значительно раздвинуть стены кемеровского Дома литераторов.

Впечатлений предостаточно, как предостаточно в «Огнях Кузбасса» и содержательных рубрик: «Поэзия» и «Проза», «Библиотечество» и «Русская школа», «Журналистика» и «Критика. Литературоведение». Это впечатляет, конечно, но далеко не исчерпывает всей россыпи предлагаемых журналом материалов.

Если в двух словах о впечатлениях от поэзии, то порадовала поэтическая почта из Мысков со стихами Елены Воробьёвой:

*Я далека от Голливуда,
Мне совершенно всё равно,
Кто там и с кем, и кто откуда,
И даже, каюсь, их кино.
Я далека от Канн и Ниццы
И от Парижа далека –
Легко живу без заграницы,
Хоть жизнь в России нелегка.
Хоть Русь давно уж не святая
И россияне ей под стать,
Сбежать отсюда не мечтаю,
Ведь от себя нельзя сбежать.*

Это лишь один из примеров, когда «вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке». Из тех примеров, когда лирический образ-переживание исповедально искренен, как у братьев-прерафаэлитов, реалистично ясен и фантастично прост, психологически убедителен и социально обусловлен. Из тех примеров, когда поэт выводит читателя далеко за рамки частной биографии, а стихи традиционно и каждый раз неповторимо по-своему говорят «о времени и о себе».

Так же просто, незамысловато и проникновенно слагает свои стихи для взрослых о детях и кемеровчанин Сергей Чернопятков:

*Грусть на лицах у девочки с мальчиком,
Опустела давно группа средняя.
Как старик со старушкой на лавочке
Те, кого забирают последними.*

Нам говорят, что поезд реалистического искусства ушёл-де в безвозвратное прошлое. А мы и с прошлым сегодня накоротке: в шестом номере проект

Иосифа Куралова «Говорит XXI век» предвзвешивает юбилейную страницу, посвящённую поэту золотого века Якову Полонскому, который был младшим современником Пушкина и Лермонтова, общался с Некрасовым и Тургеневым, Салтыковым-Щедриным и Чеховым. Его бесспорному поэтическому дару отдавали должное Белинский с Добролюбовым и Щедриным, не говоря уже о Фете и Тургеневе, который говорил об «отблеске пушкинского изящества» в стихах юбиляра... Но «поэт в России – больше, чем поэт»... Полонский, например, полемизировал по этому поводу с демократическим крылом «Современника», что не мешало Некрасову печатать его в своём журнале; а тот откликнулся на смерть оппонента такой вот уважительной эпитафией:

*Поэт и гражданин, он призван был учить,
В лохмотьях нищеты живую душу видеть,
Самоотверженно страдающих любить
И равнодушных ненавидеть.*

156
О тех же идеалах искренности, ясности и простоты мы вспоминаем под впечатлением от реалистической прозы на примере предложенной читателю в первом номере журнала повести Александры Китляйн «По дороге и по судьбе». Она, можно сказать, демонстративно традиционна. Не с Карамзина ли с Радищевым мы знакомы с жанром путешествий из пункта А в пункт Б? И не Пушкин ли с Лермонтовым подхватили обывачьи отправлять своих героев в путешествие по своей или казённой надобности, дабы они могли «взглянуть окрест себя»? И не Некрасов ли с Тургеневым закрепили и сделали традиционным этот жанр в отечественной литературе, к которому уже в новое время обратился в своих поэмах «Страна Муравия» и «За далью – даль» Александр Твардовский? И не с пушкинского ли Белкина и вплоть до «Маленькой трилогии» Чехова мы наслаждаемся композицией рассказа в рассказе? Не с подачи ли гоголевской «Шинели» тема «маленького человека» утвердилась в литературе золотого века?..

С таким контекстом мы можем говорить о продолжении классических традиций в повести нашей современницы, и та же новинка способствует актуализации, то есть перечитыванию заново, классического наследия. А процесс актуализации искусства прошлого, в свою очередь, помогает нам по достоинству оценить предлагаемую сегодня прозу, которая встраивается в ту или иную традиционную парадигму. Ослабление такой переключки может иметь катастрофические последствия для литературного процесса. «И тогда, – с горечью констатирует заведующий кафедрой новейшей отечественной литературы МГУ им. Ломоносова М. М. Голубков, – мы вынуждены будем заниматься уже *реактуализацией*, реанимируя исчезающие связи»*.

* Литературная Россия. 2020. № 5.

Задачи актуализации решают сегодня и наши «новые реалисты». Ну и что, что кто-то из них до сих пор путается в сетях декаданса? Важно, что они решили порвать с ним. Что с того, что они «новые», то есть ещё не переболели, не избавились пока от аллергии по отношению к традиционному художественному методу? Важно, что они признали за реализмом основополагающую платформу. Ну и что, что репетитовский шум известного толка критиков глущит в стремлении с ног на голову «отрефлектировать» их отважный почин? Москва тоже не сразу строилась...

Повесть Китляйн созвучна в этом отношении «новому реализму», но она – и не одна она – ориентирована на добрый старый критический реализм. На одном из недавних круглых столов, которыми время от времени взбадривают современников толстые литературные журналы, был озвучен призыв отрефлектировать наше отношение к теме «маленького человека»: «Как говорится, со всем моим уважением, но сколько можно? Пора бы уже «маленькому человеку» и подрасти»*. На что в этой связи мне хотелось бы обратить внимание читателя? Во-первых, если не сбрасывать со счетов литературу советского периода, то «маленький человек» пошёл в рост сразу после Октября – например, те же образы Морозки с Метелицей. Помнится, что я на эту тему в самом конце XX века даже статью под названием «Воскресение» написал**. А что касается сегодняшней ситуации, то (пишу по памяти), как говорили наши предки, «дневи довлеет злоба его» (нам и сегодняшних, мол, забот хватает), то есть мы с нашим «новым реализмом» ещё не доросли до критического реализма, где этого «маленького человека» только и делают, что жалеют, жалеют, жалеют... А куда было деваться в XIX веке? И нам ли сегодня – выгляните на двор – не перечитывать заново поэта золотого века:

*Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая – страдания народа
И что поэзия забыть её должна.
Не верьте, юноши! Не стареет она.*

К чести автора нашей новинки, чувствуется, что она работает на плодородной ниве новой и новейшей русской литературы. Образ предприимчивой Алевтины, например, продолжает тему одного из крупного плана персонажей романа Достоевского «Преступление и наказание». Это ведь господин Лужин, вывернув наизнанку теорию «разумного эгоизма», предлагал обустроить Россию на основе частного интереса: все, дескать, будут жить весело и вольготно, если каждый из нас будет заботиться только о себе. А у Китляйн такого же резко отрицательного типа героиня камня на камне не оставляет

* Знамя. 2019. № 11.

** Елатов В. Литературный калейдоскоп // Остаюсь учителем: Сборник статей. – Новокузнецк: Союз писателей, 2014.

от этих развзвоя лживых и, по сути, глубоко эгоистичных разглагольствований. «Врёт он всё, Лужин ваш! – с разглагольствованиями своего предшественника и с откровенным цинизмом режет правду-матку тётушке по мужу, отвечая на вопрос о том, когда же все будут жить в таком довольстве, как она сегодня: – *Никогда! Чтобы некоторые жили богато, надо, чтобы большинство жило бедно. Чтобы кто-то был сыт, многие должны быть голодными. Закон такой!*»

А сама Ульяна по воле автора, дистанцирующегося от «новых реалистов», пришла к нам из той литературы, где «маленький человек», униженный и оскорблённый, стал выпрямляться. Кто ещё из литературных героев кроме уже названных выше фадеевских был предложен читателю в качестве примеров в упомянутой выше статье? Этот ряд начинался с горьковского Сатина, а после романа «Разгром» шли примеры с Кожухом из «Железного потока» Серафимовича и Валькой-дешёвкой из «Иркутской истории» Арбузова. В этом ряду находит своё место и Ульяна из повести «По дороге и по судьбе».

Судьба Ульяны у Китляйн складывается без малейших намёков на какую бы то ни было политическую активность. И тем знаменательнее прозвучавшее в её устах суждение о решающей в конечном счёте исторической роли народа, перекликающееся с известной заключительной пушкинской ремаркой в трагедии «Борис Годунов». «*Муж мой, – рассказываю я своей попутчице, – алкоголик и наркоман, как мы расстались с друзьями ограбил сорок пятый магазин, рядом с которым квартиру снимали. Сторожа они убили. Так и сел снова. В тюрьме и помер. Родителям весточка была. Сима (сестра мужа. – Прим. авт.) узнала, поплакала, а я нет. Его жизнь ни от меня, ни от семьи, ни от самого государства не зависела. Неутверждённая, губительская душа у него была и у Алевтины этой (дочь Симы. – Прим. авт.) ... такая же. Слова её как вражеские... Да разве ж можно против целого народа заявлять? Грех-то какой! По её выходит, что народ-то во всей жизни ни при чём? От него уж ничего не зависит. Или как?*»

Вот вопрос! Настоящий камень преткновения для наших «новых реалистов»...

Теперь что касается литературной публицистики, критики и литературоведения. Материалы прошлого года позволяют высказаться аж по трём позициям. Во-первых, вселяет надежду на сохранение нормального литературного процесса единодушие, с которым ряд литераторов оценивают предшествующую литературную эпоху, от которой мы поспешили наглухо отмежеваться, а кое-что и подзабыть. Так, Игорь Золотусский цитирует для нас в своей статье Руслана Ляшева и свидетельствует: «*Это был великий взлёт нашей русской литературы*»***. Похожим образом, без оглядки на пресловутую политкорректность, обозначил свою позицию Владимир Крупин:

*** Огни Кузбасса. 2019. № 5.

«Я ... свидетель, я вырвался в советское время, со-
здался в нём как личность, и меня глубоко оскорб-
ляет твяканье либеральных писак и либеральных ра-
дио- и телетрепачей»*. А автор из Сочи Валерий Ру-
мянцев свою обеспокоенность по поводу
сложившейся ситуации выразил уже в самом назва-
нии статьи «Убьют ли русскую литературу?»**. Я пол-
ностью разделяю его беспокойство, когда он пишет
о борьбе на идеологическом фронте: нам хотят вну-
шить, что не было ничего значительного ни в совет-
ской литературе, ни в классике XIX века. И о Дми-
трии Быкове, на которого он ссылается в качестве
характерного примера, я того же мнения: своим
кратким курсом советской литературы он мне на-
помнил учителя словесности Костыку в рассказе Ку-
прина «Исполины».

Во-вторых, читателя не мог не заинтересовать
состоявшийся в минувшем году диалог двух извест-
ных в Кузбассе писателей, посвящённый творчеству
их коллеги по литературному цеху Александра Брю-
ховецкого. Здесь уже не наблюдалось отмеченного
выше единодушия, что опять-таки не может не заин-
тересовать вдумчивого читателя: такая работа с ма-
териалами делает честь редакции нашего литера-
турного толстяка. А от нас требуется в таком случае
разобраться в собственной позиции по рассматри-
ваемому вопросу, поскольку обе публикации, как го-
ворят в библиотеках, находятся в открытом доступе;
мне остаётся поделиться с читателем впечатлениями
и соображениями.

Как читатель, слушатель и зритель я не люблю в
искусстве вообще и литературе в частности экспери-
ментов ради экспериментов, разного рода головоло-
мок и зауми, то есть всего того, чем изначально ме-
чено искусство декаданса. О творчестве Брюховец-
кого представление уже имею, так как не раз
принимался за чтение его произведений. Сквозь ча-
стокол пресловутой «другой литературы» в его сочи-
нении «За пять минут до пробуждения» я так и не
смог продрасть даже с третьей попытки: не в коня,
что называется, корм. Допускаю, что кому-то это мо-
жет нравиться. Повторю за Цветаевой её суждение о
Достоевском: он ей-де «не понадобился». Мне такой
Брюховецкий тоже без надобности.

Я имею в виду здесь не политику, даже не иде-
ологию, а художественный метод. Напиши, напри-
мер, о событиях из произведений Брюховецкого та
же Улицкая (мой идеологический оппонент), я бы с
интересом прочёл от корки до корки. Я с ней редко
согласаюсь, но говорим-то мы с ней на одном язы-
ке – языке реалистического метода. А мой земляк
инфицирован вирусом упадочного искусства, и тут я
умываю руки. Какой там Гоголь! Какой вам ещё Сал-
тыков-Щедрин, когда тут таким Маркусом потянуло,
что хоть святых выноси!

* Там же.

** Огни Кузбасса. 2019. № 2.

«Казус Маркуса» по праву венчает «эксперимен-
тальный дискурс» в современной американской про-
зе. Этот писатель принципиально ничего не желает
знать о той реальности, которая обозначена – просто
названа – в его произведениях. Седарис и Барт, Бар-
тельм и Сонтаг, по крайней мере, знали то, что они
подвергали решительной реконструкции. Бен Мар-
кус отказывается знакомиться с тем, что, где, когда
и с кем происходило на самом деле: «Мне легче со-
средоточиться на том, о чём я ничего не знаю, – так
лучше выдумывается». Чем бы, как говорится, дитя
ни тешилось... Например, в своём романе «Выда-
ющиеся женщины Америки» местом действия он вы-
брал штат Огайо именно потому, что ничего о нём не
знал. Что ж, если таким же белым пятном для Марку-
са является Россия, одной из своих очередных выду-
мок он может осчастливить и нас. Так или иначе, но в
практику книгоиздания наряду с привычными указа-
ниями на жанр: «научная фантастика», «детектив»,
«фэнтези» – давно уже просится и «ремейк», ибо с та-
кого рода «реконструкциями» мы сегодня имеем
дело не только в Америке и не только в художествен-
ной литературе. Пусть такая серия станет столь же
легко опознаваемой для читателя и пусть названные
здесь авторы станут такими же опознавательными
для неё знаками, как, например, для детектива имя
английской писательницы Агаты Кристи, а для науч-
ной фантастики – американцев Айзека Азимова и Рэя
Брэдбери.

О реальной Америке, о причудливых узорах со-
временного американского образа жизни мы получа-
ем представление из калейдоскопа добротной аме-
риканской прозы»***.

В рецензии Виктора Арнаутова я нашёл рассказы,
которые были прочитаны мной ранее в периодике,
прочитаны до конца и, помнится, с возвращениями к
отдельным страницам с целью понять автора. В своё
время (если память не подводит, в «Арапе Петра Ве-
ликого»), говоря о писателе, Пушкин высказал своё
понимание этого рода деятельности: нет ничего бо-
лее полезного и приятного, чем следовать за мысля-
ми великого человека. С Брюховецким у меня и
здесь не получилось: полный, как говорит продвину-
тая молодёжь, облом! Чем больше вникал (чем даль-
ше в лес – тем больше дров... наломал сочинитель!),
тем меньше я понимал. Не в коня корм!

Но, будучи литератором, то есть человеком не
только читающим, но и пишущим, я предпринял ещё
одну попытку расширить своё представление о со-
временных экспериментаторах, которые у опреде-
лённой части критиков находят понимание и под-
держку и получают благословение. Принялся за по-
следнюю подборку рассказов в «Огнях Кузбасса»,
прочёл рассказ об Иване Елдыгине, задумался.
Стал, перечитывая, искать причину своего читатель-

*** Елатов В. Литературный калейдоскоп // Остаюсь учите-
лем: Сборник статей. – Новокузнецк: Союз писателей, 2014.

ского неудовлетворения, что-то стало проясняться. Ну конечно же! Я пытался понять, кто такой этот не помнящий родства Иван, как мы обычно воспринимаем реалистическую литературу. Не тут-то было! *Логика* здесь и не ночевала: если Елдыгин ещё в детстве, подстрекаемый своими дедушкой с бабушкой, «пулял камешки» в советского времени памятники, то сегодня он должен быть на коне. Но в сочинениях декадентствующих авторов (нет на них сегодня прерафаэлитов, вернувших во времена Полонского с головы на ноги английскую живопись!)* махровым цветом распустился алогизм. Я позволю себе ещё одну пространную выписку, чтобы вывести из-под удара художественный метод русской литературы XIX века. Дело ведь не в *девайсах* (от англ. device – приём, способ, средство художественной выразительности), а в том, с какой целью они применяются.

«Не менее калейдоскопична и современная американская проза. Как и в поэзии, замысловатое разнообразие создаётся главным образом «экспериментаторами». В ход идут любые формальные приёмы, создающие впечатление новейшего вавилонского столпотворения, где участники процесса не просто не понимают, но они и не обязаны понимать друг друга. «Дорогой Чарли, – вразумлял недоумевающего коллегу Уоллес Стивенс, – это не столь важно, что вы не можете понять моих или чьих-то ещё стихов. Важно только, чтобы сам поэт понимал их. Я понимаю свои; остальное не обязательно». Как прямое следствие такого «дискурса» отношения автора с читателем перестают быть не только доверительными, но и уважительными. «Читатель! – восклицает в рассказе «История жизни» известный постмодернист Джон Барт. – Ты упрямый, ни на что не годный, шалеющий от печатного слова ублюдок, ты, ты, я к тебе обращаюсь, к кому же ещё, – из самого нутра этой чудовищной прозы. (Так он отзывается о сборнике своих произведений, изданном в 2001 году в Санкт-Петербурге. – Прим. авт.) Так, значит, ты дочитал меня досюда? Даже досюда? Ради какой такой неведомой мне радости? Какого чёрта, спрашивается, ты не пошёл в кино, не врубил телевизор, не принялся глядеть в стену, не отправился перекинуться с приятелем в теннис...» Что ж, не будем давать лишнего повода профессору Барту для столь нелюбезного к нам обращения. Пусть он стряпает себе между подготовкой к университетским лекциям и их чтением свои «химеры» (по названию одного из его произведений), а мы займёмся тем временем чем-нибудь из того, о чём он так оригинально напомнил нам, либо почитаем что-нибудь из добротной американ-

ской литературы, благо что она не сводится к бартовского покаяния выкрутасам с их душевными вывихами и отталкивающим, на манер гинзбергских воплей, цинизмом.

*Воспитанный на добротной реалистической литературе российский читатель сегодня сплошь и рядом недоумевает: как можно так извращать десятилетиями, веками и тысячелетиями устоявшиеся представления, будь то мифология, история или классическая литература? Оказывается, можно, если мы имеем дело с так называемым экспериментом. Тут подошло бы определение, которое Воннегут адресовал своим «коллажам»: «Все истины, которые я хочу изложить вам, – гнусная ложь». Речь идёт о реконструкциях, р е м е й к а х, которые так или примерно так современное искусство осваивает – и не только в литературных студиях, и не только в Америке**.*

Вот откуда сумбур в сочинениях Брюховецкого. Это как небо от земли отличает использование гротеска в реалистических произведениях Гоголя и Салтыкова-Щедрина от декадентских «конструктов». Диалог Владимира Иванова и Виктора Арнаутова показал, что оба они в этом прекрасно разбираются. Всё дело в том, что одному композиции Брюховецкого нравятся, а у другого вызывают горькое, как и у меня, сожаление: и ты, наш талант, наша надежда и гордость, и ты туда же!.. А Полонский-то, кстати, символизма, с которого ведёт отсчёт упадочное искусство, в том числе и английская живопись конца XIX века, так и не принял. Не в коня корм...

159 На третье в условиях стационара едва ли нашлось бы время: регламент! А при заочном обсуждении становится возможным отметить в заключение разговора о публицистике, критике и литературоведении, что в унисон с настоящими заметками прозвучали в рамках проекта «Говорит XXI век» яркие публицистические миниатюры Ольги Пинигиной из Новокузнецка***. Тут вам и «реализм в квадрате», когда изображение быта в художественном произведении не противопоставлено его социальному содержанию, и предчувствие юбилейного для Некрасова года, вылившееся в переключку с Полонским, высоко оценившим гражданский подвиг поэта, и та продекларированная братством прерафаэлитов искренность, та ясность и простота, с какими только и следует писать для детей (я бы включил сюда и детей вполне изрядного возраста), не заморачивая их не первой свежести «экспериментами».

Вячеслав ЕЛАТОВ,
г. Прокопьевск

* Ссылкой на прерафаэлитов я, как в своё время Маяковский Пушкину, «подсюсюкиваю» Брюховецкому-живописцу.

** Елатов В. Литературный калейдоскоп // Остаюсь учителем: Сборник статей. – Новокузнецк: Союз писателей, 2014.

*** Огни Кузбасса. 2019. № 6.

